

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-92–107

ВНОВЬ К «СПОРАМ ОБ ЭЛЛИНИЗМЕ»

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация. В свое время автору доводилось писать о предэллинизме в греческом мире IV в. до н.э., и в связи с этим он изложил свое понимание эллинизма как такового. Высказанные нами тогда соображения вскоре получили в литературе отклик, – в частности, со стороны А.С. Балахванцева. В данной статье мы отвечаем нашему оппоненту, развивая некоторые положения своей концепции. При ряде пунктов несогласия нам представляется интересным предложение коллеги считать эллинизм (поскольку он связан с эллинизацией) феноменом только истории Востока. В таком случае тот же период применительно к истории греческого мира должен получить иное название. И тут может оказаться подходящим предлагавшийся нами и ранее термин «постклассика».

Ключевые слова: эллинизм, Греция, Восток, полис, гражданский коллектив, греко-восточный синтез, цивилизация, постклассика

Высказанные нами в свое время¹ суждения об эллинизме продолжают вызывать отклики коллег. В недавней статье по той же тематике² мы посылно ответили на возражения О.Л. Габелко³ и И.А. Ладынина⁴ (с последним, впрочем, мы во многом являемся единомышленниками). Но необходимость соблюдать лимит объема не позволила нам рассмотреть там же и критику со стороны А.С. Балахванцева⁵. Теперь нам представляется уместным сделать и это.

Наши разногласия с вышеупомянутым исследователем начинаются уже с коренных общемировоззренческих вопросов. Уважаемый оппонент пишет: «Взгля-

Данные об авторе: Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

¹ Суриков 2014, 96–117; Суриков 2015, 19–68.

² Суриков 2022.

³ Габелко 2018.

⁴ Ладынин 2018.

⁵ Балахванцев 2020.

ды И.Е. Сурикова вполне логично вытекают из его общего подхода к истории и историческому факту и, в конечном счете, объясняются исповедуемым автором историческим идеализмом»⁶. Будь на дворе советские времена с присущей им монополией «единственно верного» марксистского, материалистического учения – далее непременно последовало бы продолжение в том духе, что к Сурикову за подобный «уклонизм» следовало бы применить оргвыводы. Риторика подобного рода – дескать, другой ученый стоит на «неправильных», «чуждых» идеологических позициях – как-то даже не ожидаешь встретить в наши дни.

Будучи знаком с Арчилом Савеличем со студенческих лет, автор этих строк хорошо знает, что он уже тогда был убежденным марксистом – и, как ясно, таким и остался⁷. На то его полное право, равно как и наше полное право – придерживаться иного мнения. А мнение это действительно можно сформулировать так, как мы уже делали: «Мы глубоко убеждены... в том, что в действительности сознание определяет социальное бытие, а не наоборот. Вначале происходит “революция в умах”, а потом уже в результате этого изменяются общественные условия»⁸.

В идеалистических концепциях нам импонирует, помимо прочего, и то, что они достаточно многочисленны и разнообразны, а это уже хорошее противоядие против догматизма. Из них нам близка, в частности, та, которую развивал Г. Риккерт⁹, противопоставлявший «науки о природе» и «науки о культуре» (хотя сказанное не означает, что мы безоговорочно придерживаемся точки зрения Риккерта; нам ближе формулировка М. Вебера, см. ниже). Это верно уловил А.С. Балахванцев, замечая по данному поводу: «Сторонники такого подхода объявляют все исторические реалии уникальными и единичными, а историю, как и другие гуманитарные науки, относят к числу идеографических¹⁰ (описательных)... Убедительную критику этого направления дал еще С.Л. Утченко»¹¹.

Однако в указанной здесь работе С.Л. Утченко¹² критика соответствующих взглядов ведется с сугубо марксистских позиций, что специально оговаривает и сам ее автор¹³. Соответственно, она и может быть убедительной только в рамках марксистского дискурса, а для тех, кто находится вне его, она никакой силы не имеет. Да и в целом если мы скажем, что «Утченко опроверг Риккерта», то это

⁶ Балахванцев 2020, 24.

⁷ В связи с тем, что мы в вышеупомянутой статье (Суриков 2022, 53) высказали полемические суждения против марксистских воззрений, А.М. Сморгчов, выступивший в роли внутреннего рецензента статьи, выразил в своем отзыве сомнение в необходимости такой полемики: она, дескать, неактуальна, поскольку на позициях марксизма ныне у нас уже никто из антиковедов не стоит. Как можно убедиться, это не так.

⁸ Суриков 2022, 53. Добавим несколько слов к сказанному в этой цитате. Одно из двух: либо исторический процесс творится людьми, их действиями (но действию предшествует в качестве причины намерение, так что первичны разум и воля – вещи нематериальные), либо он творится не людьми. Стало быть, какими-то силами, высшими по отношению к людям и от людей не зависящими. Но признание таких сил – свойство религиозного мировоззрения.

⁹ См. в русском переводе: Риккерт 1998.

¹⁰ Sic! Нужно – «идеографических».

¹¹ Балахванцев 2020, 24.

¹² Утченко 1998. Следует сказать, что эту свою работу (текст доклада) Сергей Львович явно не относил к числу особенно важных и даже не опубликовал ее. Она была обнаружена в его архиве и увидела свет много лет спустя после смерти ее автора.

¹³ Утченко 1998, 7: «Какова же должна быть по этим вопросам позиция историка-марксиста?».

прозвучит как «Лысенко опроверг Моргана» или, скажем, «Данилевский опроверг Дарвина» – не вполне сопоставимы масштабы фигур.

Как же исторические реалии не уникальны и не единичны? В мире физических явлений возможно (и обязательно!) полное повторение ситуаций. Так, одна и та же химическая реакция, проводимая при одних и тех же условиях, неизбежно даст в точности один и тот же результат и в десятый, и в сотый, и в миллионный раз. Но известен ли хоть один случай полного повторения ситуаций в истории? Думается, вопрос этот – риторический: однозначно можно утверждать, что таких случаев не было.

Впрочем, причисляя нас к ортодоксальным «риккертIANцам», полностью отрицающим элементы закономерного в истории, А.С. Балахванцев допускает упрощающее утрирование. Наша позиция на самом деле сложнее; в свое время мы формулировали ее так (просим у читателя прощения за самоцитирование, но здесь оно необходимо): «В отличие, скажем, от физики, где все процессы повторяются в одной и той же форме, следуя неизменным законам природы (например, любое тело, находящееся в состоянии свободного падения, всегда приобретает строго одинаковое ускорение), о столь же неизменных «законах истории» говорить не приходится. Разумеется, нельзя отрицать, что какие-то закономерности присутствуют (возможно, корректнее было бы называть их тенденциями), однако же в исторической жизни ничто и никогда не повторяется с полной точностью. В этом плане история – в принципе область феноменального»¹⁴.

А теперь для сравнения приведем характеристику подхода М. Вебера, даваемую самим С.Л. Утченко: «Один из наиболее известных учеников Риккерта – Макс Вебер – хоть и не признавал для истории законов такого типа, как “законы природы” (Naturgesetze), но все же считал возможным говорить о неких правилах (Regeln), которые могут помочь выделить (freilegen) то или иное событие в сплетении его причин и следствий»¹⁵. Нетрудно заметить, сравнив данные выше цитаты, что великий Вебер и скромный автор этих строк (которому не стыдно быть единомышленником такого корифея) говорят, в общем-то, об одном и том же, разве что пользуясь несколько отличающейся лексикой: у Вебера – «правила», у нас – «тенденции». Закономерности, о которых идет речь, настолько сложны (еще бы, ведь человеческое общество, в котором они действуют, и само является суперсложной системой; точнее, уже каждый человек как личность – суперсложная система, так что же говорить об обществе, состоящем из массы самых разнообразных личностей?), что пока еще отнюдь не постигнуты в полной мере историками, и вряд ли это произойдет в ближайшем будущем.

Обратимся теперь к вопросам более конкретным и ближе связанным непосредственно с эллинистической проблематикой. А.С. Балахванцев так характеризует нашу точку зрения: «Первое, что сразу обращает на себя внимание: противопоставление эллинизма полисному этапу практически превращает первый в этап бесполисный»¹⁶. Вновь налицо утрирование наших взглядов. Никто в здравом уме не будет заявлять, что в период эллинизма не было полисов: естественно, не только сохранялись почти все старые, но и появлялись новые, основываемые раз-

¹⁴ Суриков 2014, 78.

¹⁵ Утченко 1998, 5.

¹⁶ Балахванцев 2020, 24.

личными монархами на Востоке. Однако весьма существенным нюансом является то, что греческие полисы в это время в большинстве своем уже не являлись независимыми государствами. Те, которые возникали на территории царств, таковыми и не мыслились, они изначально подчинялись царям; но и многие из тех, которые ранее были суверенными, теперь этот суверенитет утратили – юридически или по меньшей мере фактически¹⁷.

Конечно, нам всегда могут сказать в ответ (и говорили), что существовал же, например, полис Родос, который и сохранял независимость, и даже процветал. Но был ли эллинистический Родос типичным случаем? Конечно же, нет. Этот феномен сложился в результате неповторимого сочетания ряда совершенно конкретных обстоятельств. А исключения если и не подтверждают правило, как часто выражаются, то уж, во всяком случае, и не отменяют правила. Нас интересуют ситуации, соответствующие общим тенденциям эпохи, а не лежащие в стороне от них.

Итак, мы выходим на действительно принципиальную проблему: следует ли считать суверенитет, политическую независимость интегральным признаком полиса? Единства мнений среди антиковедов в данном отношении нет. Такой выдающийся специалист по полисной тематике, как М. Хансен, считает: «Город-государство [имеется в виду полис – *И.С.*] – это самоуправляющееся государство, но не обязательно независимое»¹⁸. Но можно ли вообще называть *государством* политическую единицу, которая не является независимой? Нет ли тут противоречия в определении? Так ведь можно и аттические демы назвать государствами: в каждом из них имелись органы управления, которые копировали соответствующие полисные органы¹⁹ (вплоть до народного собрания демонов). Но считать их органами *государственной власти*, а демы (и схожие с ними образования) – государствами можно, думается нам, только в том случае, если исходить из какого-то совсем уж расширительного (и тем самым не имеющего существенной эвристической ценности) понимания государства²⁰.

Нашу же позицию по рассматриваемому вопросу А.С. Балахванцев определяет следующим образом: «И.Е. Суриков, вслед за Э.Д. Фроловым, воспринимает полис не иначе как суверенное государство»²¹. И далее приводит примеры (за ними далеко ходить не надо, они всем хорошо известны) полисов, которые уже в доэллинистические времена не обладали независимостью, поскольку были подчинены какой-либо внешней силой.

Ранее и О.Л. Габелко указывал нам на аналогичные обстоятельства – «и власть персидских царей, и господство варварских династий»²², – напоминая и

¹⁷ Так, Афины при Деметрии Фалерском (317–307 гг. до н.э.) вроде бы функционировали как полноценный полис: работали основные органы власти, принимались законы и т.п. Однако все прекрасно понимали, что существует высшая инстанция – Кассандр, за которым всегда останется последнее слово. См. к вопросу Saldutti 2022.

¹⁸ Hansen 2006, 12.

¹⁹ Суриков 2021, 18.

²⁰ Тут нужно еще оговорить, что английский термин «state», которым, естественно, пользуется Хансен в своей англоязычной работе, не подразумевает обязательной политической независимости и, таким образом, отличается по своему семантическому полю от русского термина «государство». Ср. штаты (states) как составные части США.

²¹ Балахванцев 2020, 24.

²² Габелко 2018, 185.

о тирании, которая тоже ведь противоречила политическому суверенитету гражданского коллектива. Что мы тогда ответили этому ученому, то же самое в полной мере можно повторить и здесь: «Все это было, но в том-то и дело, что в полисный период подобные ситуации воспринимались как грубейшее отклонение от нормы, как то, чего быть не должно. Тиранов свергали, от чужеземного владычества пытались избавиться, в случае утраты политического суверенитета боролись за его восстановление. А вот во времена эллинизма греки послушно склонились перед новыми реалиями и уже не пытались что-то принципиально изменить, довольствуясь симулякрами, такими, как “дружба” эллинистических владык»²³.

Да, не всякому полису была свойственна независимость. Но независимость, с нашей точки зрения, является интегральным признаком нормального, полноценного полиса, так сказать, здорового полиса. А отсутствие этого признака является собой, таким образом, болезнь (считаем вполне возможным говорить о болезнях применительно к социальным организмам, равно как и к физическим). И этим снимаются возражения А.С. Балахванцева. Следует ли назвать, скажем, наличие двух рук интегральным признаком человека? Полагаем, что да, хотя встречаются люди и однорукие, и вовсе безрукие. Ведь при определении любого феномена имеется в виду норма, а не отклонение. Иначе придется давать определение в духе «человек есть живое существо, имеющее четыре конечности, или три, или две, или одну, или ни одной», и это доведет нас до полного абсурда.

А.С. Балахванцев задает вопрос, который, очевидно, представляется ему риторическим: «Спрашивается: неужели подчинение полиса внешней силе превращало его в нечто качественно иное? Если да, то хотелось бы знать, во что?»²⁴. Наш ответ: в неполноценный полис, в больной полис. В крайних случаях – в труп полиса.

Еще одна цитата из статьи нашего оппонента. «Как показывает история архаики и классики, олигархия, да и тирания, вполне сочетаются с полисным устройством. Хрестоматийный пример – Спарта. Неужели она не полис?»²⁵. Стремясь уличить нас в непоследовательности и противоречиях, в «избирательном подходе к источникам»²⁶, А.С. Балахванцев сам допускает ненужное сближение и едва ли не смешение совершенно разных состояний полисной государственности. В связи с олигархией вообще никаких проблем не возникает. Олигархия – точно такой же нормальный тип полисного устройства, как и демократия, ни в малейшей мере не отклонение. Олигархические полисы в греческом мире были, пожалуй, многочисленнее, чем демократические, так что это тип даже более распространенный. Спарта, кстати, фигурирует как олигархия только в некоторой части литературы (в основном марксистской, да и то скорее не собственно исследовательской, а учебной, где неизбежна некоторая схематизация²⁷). В самой античности спартанский полис не воспринимался как олигархический. Для Аристотеля, так любившего все классифицировать, все «раскладывать по полочкам», Спарта представляла собой проблему, которую великий мыслитель (в «Политике») решил тем, что отнес это государство к редкой категории «смешанного государственного устройства».

²³ Суриков 2022, 53.

²⁴ Балахванцев 2020, 24.

²⁵ Балахванцев 2020, 24.

²⁶ Балахванцев 2020, 24.

²⁷ Например: Кузищин 1986.

Спарта – не только не «не-полис», но один из самых ярких примеров полиса. В ней нет абсолютно ничего, что не соответствовало бы принципам полисной государственности в самом строгом их применении. В частности, принцип суверенитета гражданского коллектива был сформулирован в ней раньше, чем где-либо в Элладе. Уже в Великой ретре Ликурга стояли знаменательные слова: «Господство и сила да принадлежит народу» (Plut. Lycurg. 6).

А вот тирания (она тоже упомянута А.С. Балахванцевым как режим, вполне сочетающийся с полисным устройством) – это совсем иное дело. Она являет собой несомненное отклонение от базовых полисных принципов. И в то же время тирании в греческих полисах регулярно возникали. Сочетается ли тирания с полисным устройством? Воспользуемся метафорой, к которой мы уже прибегали выше, и построим вопрос «по аналогии»: сочетается ли болезнь с человеческим организмом? Совместима ли она с ним? Надо полагать, что ответ будет положительным: очень мало людей могут сказать о себе, что они никогда не болели. Но означает ли это, что мы должны внести болезнь в число интегральных признаков нормального человеческого организма? Разумеется, нет. Она тоже являет собой именно отклонение, а здоровье – норму. Так и с полисами: утрата суверенитета (является ли виновником ее внешняя сила или тиран) – отклонение, болезнь. Заболевший организм стремится вернуться к норме, к здоровью; закономерно, что тирании, как правило, были недолговечны. Может быть, мы несколько многословно формулируем этот тезис, даже прибегая к самоповторам, – просто нам хочется сделать нашу точку зрения как можно более ясной.

Неизбежно придется выходить на одно из ключевых утверждений, высказанных нами, причем особенно часто подвергавшееся критике со стороны тех, кто с нами не согласен. Речь идет о переходе «от гражданина к подданному» в социальной психологии, свершавшемся на протяжении IV в. до н.э., в переходную эпоху, а в эллинистический период дошедшем до логического предела; «на выходе» имеем откровенный сервизм. А.С. Балахванцев замечает, что сервизм подобного рода не был для греков чем-то новым и вспоминает в данной связи «о проявлениях коллаборационизма Фессалии, Беотии, Эгины, Аргоса и других областей и полисов Эллады в эпоху греко-персидских войн, политическую верхушку которых не покоробило выразить покорность Ахеменидам»²⁸.

Здесь необходимо внести некоторые уточнения. Аргос, строго говоря, не перешел на сторону Персии, а оставался нейтральным, не вступив в состав Эллинского союза. Поведение этого государства обуславливалось прежде всего тем, что вождем Эллинского союза являлась Спарта – злейший враг Аргоса на протяжении многих веков, чьему главенству аргосцы не подчинились бы ни при каких обстоятельствах. Собственно, Геродот прямо пишет, что власти Аргоса в ответ на приглашение в союз заявили, что войдут в него, если их полису в нем будет предоставлена гегемония на равных правах со спартанским. Им, естественно, было отказано, и, резюмирует «отец истории», «по словам аргосцев, они не могли вынести высокомерия спартанцев и предпочли скорее подчиниться варварам, чем уступить лакедемонянам» (Herod. VII. 149).

²⁸ Балахванцев 2020, 25.

Далее, Эгина была членом Эллинского союза, ее корабли сражались и при Артемисии, и при Платеях. О Беотии как изменнической области нельзя говорить обобщенно: Феспии и Платеи воевали на стороне греков. «Мидизм» беотийцев бросается в глаза прежде всего потому, что крайняя олигархия, правившая тогда в Фивах, крупнейшем беотийском центре, проявила это персофильство в наиболее демонстративной форме. Из-за этого, как известно, планировалось даже разорить Фивы; город был пощажен, но еще долго на нем лежало в глазах прочих греков позорное пятно предательства, о котором фиванцам напоминали при всяком удобном случае. Уже это показывает, что тогда сервизм еще решительно осуждался, а вот позже его стали воспринимать как нечто вполне допустимое.

А.С. Балахванцев констатирует, что для эллинистического полиса характерна «большая открытость гражданского коллектива, в который теперь входят – причем в обычной, а не чрезвычайной ситуации – и не греки... Эта черта была абсолютно несвойственна полисам архаического и классического времени, когда города оставались всецело греческими и стремились сохранить замкнутость гражданства»²⁹. Приведем еще другой отмечаемый им факт, который, по мнению ученого, тоже противоречит нашим представлениям о превращении граждан в подданных: «... на протяжении IV–II вв. до н.э. резко сокращается число бесправных пенестов в Фессалии и илотов в Спарте, причем значительная часть последних получает гражданские права»³⁰.

Наблюдения сами по себе совершенно верные, но о чем они свидетельствуют? Именно о том, о чем мы писали еще в работах, указанных в прим. 1, – о девальвации самого понятия гражданства: охотнее делятся тем, что меньше ценят. Девальвировалось же оно потому, что само гражданство все больше утрачивало свое реальное наполнение, превращалось в фикцию. В связи с этим, по сути, фикцией в период эллинизма стала и афинская демократия, под ее названием фактически скрывалась олигархия.

А.С. Балахванцев не согласен и с этим, он полагает, что в эллинистических Афинах наличествовала умеренная демократия, а иное положение дел, дескать, существует лишь «в понимании автора [этих строк – И.С.]»³¹. Он апеллирует при этом к авторитету Х. Хабихта³²; в том месте, на которое дается ссылка, этот немецкий исследователь употребляют формулировку «полусвободная демократия», причем применительно, подчеркнем, к одной конкретной ситуации – положению дел в афинском полисе в те времена, когда там пребывал «живой бог» Деметрий Полиоркет. Этот последний всем в государстве и распоряжался, верховная власть реально находилась в его руках; трудно представить, чтобы подобные условия были подходящими для функционирования полноценной демократии.

Когда прекратило существование демократическое устройство в Афинах? Даже если мы пойдем на уступки и примем самую позднюю из предлагавшихся датировок этого события (Б. Дрейер – ок. 260 г. до н.э.³³), – все равно перед нами предстанет та же динамика: если не с самого начала эллинизма, то спустя неко-

²⁹ Балахванцев 2020, 26.

³⁰ Балахванцев 2020, 24.

³¹ Балахванцев 2020, 24–25.

³² Хабихт 1999, 72–77.

³³ Dreyer 2001.

торое время демократия перерождается в олигархию, называющую себя демократией. Аналогичная картина и в других полисных республиках, которые остались (относительно) независимыми. Понятие демократии продолжает использоваться, но лишь в своем самом минималистском значении – оно теперь, как определяет О.Л. Габелко, «практически синонимично политической независимости»³⁴, и не более того.

«...Изучение практики взаимоотношений Ахейского союза и монархии Антигонидов показывает, что даже наличие регулярно проводившегося празднества в честь Антигона Досона и личные связи с царским домом не позволяют утверждать о превращении ахейской политической элиты в раболепствующих “подданных”. Все это вместе взятое убедительно доказывает, что всерьез говорить об исчезновении полиса при эллинизме не приходится», – пишет А.С. Балахванцев³⁵. Мы, напомним, никогда и не утверждали (это было бы нелепостью), что в эллинистическое время полис исчез; не самый корректный прием в споре – передать тезис, с которым полемизируешь, в искаженном виде. Что касается греков Ахейского союза – они действительно, пожалуй, в наименьшей степени из всех тогдашних греков оказались привержены пресловутому «раболепству» и держались, как говорится, до последнего. Но сказать, что их совсем не коснулся сам рассматривавшийся нами процесс движения «от гражданина к подданному», тоже вряд ли можно, о чем свидетельствует хотя бы то же учреждение празднества в честь Досона. Ведь оно говорит, что Досон был ахейцами сакрализован, стал предметом культа. А сакрализация и культ живых индивидов ведут начало со времен предэллинизма³⁶, когда процесс, о котором идет речь, как раз был запущен и расцвел пышным цветом при эллинизме.

Ответим теперь на следующее замечание, которое делает нам А.С. Балахванцев: «Второе уязвимое место в концепции И.Е. Сурикова – это восприятие им эллинизма в качестве этапа только древнегреческой истории»³⁷. Но тут имеет место не какая-либо ошибка или недосмотр с нашей стороны, а сознательно взятый ракурс. Да, мы рассматривали эллинизм как период истории античной Греции: в работах, в которых это делалось, в связи с их тематикой был необходим и неизбежен именно такой угол зрения, а не какой-либо иной. Эллинистическим Востоком нам никогда не доводилось специально заниматься и вряд ли когда-нибудь доведется; что же касается эллинизма в Греции (включая Македонию), он ведь действительно является периодом именно древнегреческой истории³⁸. Только в этих географических рамках (имеем в виду греческий мир в широком смысле, включая колонизованные регионы) интересовал нас феномен эллинизма, и, соответствен-

³⁴ Габелко 2018, 187.

³⁵ Балахванцев 2020, 25.

³⁶ Первый случай – Лисандр (Muccioli 2005; Beck-Schachter 2016). М. Флауэр в интересной статье (Flower 1988) высказал представляющиеся нам убедительными соображения относительно того, почему это явление не получило сразу же продолжения и дальнейшего развития, отсрочившегося на несколько десятилетий (следующий случай – Филипп II): когда вскоре стали предприниматься попытки аналогичной сакрализации Агесилая Великого, последний в пику Лисандру решительнейшим образом воспрепятствовал подобным поползновениям.

³⁷ Балахванцев 2020, 25.

³⁸ В то время как эллинизм на Востоке – периодом восточной истории (о том, как понимает сферу распространения эллинизма сам А.С. Балахванцев, см. ниже).

но, наши концептуальные построения никак не обессиливаются указаниями на то, что на Востоке «постулируемого И.Е. Суриковым перехода от гражданина к подданному – из-за отсутствия первого элемента – просто не наблюдалось... Более того, там шел прямо противоположный процесс: часть подданных становились еще и гражданами»³⁹.

Завершает полемику с нами А.С. Балахванцев следующим саркастическим пассажем: «Таким образом, мы можем в очередной раз наблюдать “величайшую трагедию науки: убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом”. Впрочем, в данном случае это представляется вполне естественным: пытаться проникнуть в суть эллинизма, руководствуясь рожденной еще в античности теорией “порчи нравов”, пусть и переименованной в “социальную психологию”, – дело заведомо бесперспективное»⁴⁰.

Полагаем, нам удалось показать, что факты («безобразные» или не безобразные – это уж *ad libitum*), наблюдаемые во времена предэллинизма и эллинизма, повторим и подчеркнем, в *греческом мире*, отнюдь не противоречат нашим выкладкам, а, напротив, подтверждают их. Далее, нам непонятно нигилистическое отношение коллеги к такой солидной научной дисциплине, как социальная психология, сводимой им к древней теории «порчи нравов». Последняя (она встречается уже у Геродота) применялась, кстати, не к таким ситуациям, какие рассматривались нами в связи с переходом к эллинизму, а к совсем иным – к крушению империй и его причинам. Соответствующий фактор в разговорном дискурсе часто формулируют так: «предались излишествам и впали в ничтожество». У самого же галикарнасского историка сказано несколько иначе (слова вложены в уста Кира Великого): «Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира... Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине» (Herod. IX. 122). Много позже нечто подобное имело место и в Римской империи «времени упадка».

Коснемся еще нескольких тезисов, высказываемых в статье А.С. Балахванцева уже не в связи с критикой наших идей, а в рамках его собственных характеристик ряда эллинистических реалий. В частности, «эллинистической монархии, которая хотя и унаследовала определенные институты у своих предшественников (в первую очередь Ахеменидов), значительно отличалась от них в плане большей централизации (лишение сатрапов права содержать наемные войска и чеканить монету, введение царского и династийного культа), опорой не на землевладельческую знать, а на самоуправляющиеся гражданские общины, формированием классов не по этническому принципу»⁴¹.

Касательно большей централизации – это подмечено совершенно верно. Да, эллинистические царства были даже еще в большей степени абсолютными монархиями, чем Ахеменидское, в большей степени «восточными деспотиями». А вот по поводу утверждения о формировании классов не по этническому признаку не

³⁹ Балахванцев 2020, 25.

⁴⁰ Балахванцев 2020, 25.

⁴¹ Балахванцев 2020, 26.

можем не заметить: а как же «доминирующий этнокласс»? Эта категория⁴² была введена П. Брианом и прочно получила «права гражданства» в науке. С.В. Смирнов констатирует, что «после падения державы Ахеменидов старый персидский этнокласс перестал занимать доминирующее положение, и ему на смену пришел новый – греко-македонский»⁴³. Что касается опоры монархов не на знать (речь, понятно, идет о местной, негреческой знати), а на гражданские общины, – с этим дело обстоит тоже не вполне так, как пишет А.С. Балахванцев. Возьмем, например, державу Селевкидов (когда хотят установить какие-то характерные черты эллинизма, чаще всего апеллируют к реалиям именно этого государственного образования, поскольку птолемеевский Египет – общество с ярко выраженной уникальной спецификой и поэтому нетипичное, а из «малых царств» каждое тоже по-своему не вполне типично, к тому же о них куда меньше данных). По словам того же С.В. Смирнова, «необходимость союза с местной аристократией была, по сути, залогом существования государства Селевкидов»⁴⁴.

Далее А.С. Балахванцев отмечает факт «сближения греко-македонян и народов Востока»⁴⁵ в период эллинизма. «Сближение» – здесь, пожалуй, не вполне то слово. Сближение каких-то двух начал подразумевает взаимность, двусторонность процесса, движение обеих этих начал навстречу друг другу. Да, именно сближение победителей-эллинов и побежденных «варваров» предполагалось «политикой слияния народов», проводившейся Александром. Однако после его смерти, как известно, эта политика была в основном свернута диадохами и полноценного продолжения не нашла. Нам представляется, что для эллинистической цивилизации корректнее будет говорить об одностороннем движении восточных «варваров» к греческой культуре, о приобщении их к ней, – иными словами, о том, для чего уже давно существует понятный и общепринятый термин «эллинизация». Тяготение местных жителей ко всему эллинскому, кстати, объяснялось не столь обаянием более высокой культуры, как часто выражаются (это критерий современный и субъективный, и самим людям Востока вряд ли культура пришлецов казалась более высокой, чем их собственная), сколько причиной более прагматичной: это была культура пресловутого «доминирующего этнокласса», в который восточные элиты стремились вписаться или хотя бы быть к нему поближе.

Весьма оригинально определение А.С. Балахванцевым географических рамок эллинизма. Здесь не обойтись без довольно пространной цитаты. «...Необходимо признать, что сфера эллинизма охватывала лишь те завоеванные Александром, его полководцами и эллинистическими, прежде всего греко-бактрийскими царями регионы, где реализовывался греко-восточный синтез: Ближний и Средний Восток, Среднюю Азию, а также, возможно, Северо-Западную Индию. Соответственно, в нее нет оснований включать Южную Италию, Сицилию, Эпир, Македонию, полисы и союзы Балканской Греции и Эгеиды, в которых наблюдается явный контину-

⁴² См. о ней: Смирнов 2014 (с историей вопроса).

⁴³ Смирнов 2014, 321. Заметим, что пора бы, пожалуй, уже и отказываться понемногу от ставших привычными словоупотреблений типа «греко-македонский» или «греко-македоняне», так как ныне уже можно считать доказанным, что древние македоняне были ветвью греческого этноса, а не каким-то отдельным народом. В свете этого говорить «греко-македоняне» – это то же самое, что говорить, например, «греко-ионийцы» или «греко-этолийцы».

⁴⁴ Смирнов 2014, 2021.

⁴⁵ Балахванцев 2020, 27.

итет с классической эпохой. Понимание эллинизма как конкретно-исторического явления, *принадлежащего истории Древнего Востока* [курсив наш – И.С.], очень хорошо соответствует самого термину. Слово Ἑλληνισμός означает “подражание греческому” и может без внутреннего противоречия применяться лишь по отношению к негреческим регионам и этносам, но не к самой Элладе»⁴⁶.

Прочитав эти строки, мы вначале, признаться, были сильно озадачены. Казалось бы, возражение напрашивалось само собой: если эллинизм как период имел место только на Востоке, что же тогда было в это время в греческом мире? Как это проводить по «ведомству периодизации»? Мы, историки, привыкли оперировать периодами. Они наличествуют в любом вузовском и, наверное, даже школьном учебнике, причем обязательно датируются. В одних случаях приблизительно (например, «архаический период – VIII–VI вв. до н.э.»), в других предлагается точность даже до года. Так, за начало классического периода принимаются либо основание афинской демократии Клисфеном в 507 г. до н.э., либо начало Греко-персидских войн в 500 г. до н.э., либо отражение вторжения персов в 480–479 гг. до н.э. (в западной литературе именно этот вариант наиболее распространен).

За конец того же классического периода и, соответственно, за начало следующего, эллинистического, принимают либо битву при Херонее (338 г. до н.э.), либо воцарение Александра (336 г. до н.э.), либо начало Восточного похода (334 г. до н.э.), либо кончину завоевателя в Вавилоне (323 г. до н.э.). Иногда в качестве рубежа между периодами предлагаются и более редкие, экзотичные «вехи», как принятие диадохами царских титулов (306–305 гг. до н.э.) или даже завершение войн между ними и стабилизацию мира эллинистических государств (281–280 гг. до н.э.). Впрочем, дело, понятно, не в конкретных годах. Принципиален вопрос: если в истории Древней Греции в 323 г. до н.э. (скажем) завершается классический период, а в 30 г. до н.э. наступает римский, между ними же, как всегда считалось, простирается эллинистический, а А.С. Балахванцев предлагает его применительно к Греции изъять, то, получается, там между классическим и римским вообще не было периода? Но так не бывает.

Таково было наше первое мнение. Однако по дальнейшем размышлении нам представилось, что предложение нашего коллеги создает парадоксальную, но, кажется, интересную и продуктивную возможность разрешить одну концептуальную коллизию, связанную с понятием эллинизма. А именно: одной из наиболее ключевых черт последнего (может быть, даже самой ключевой) называют пресловутый синтез – «греко-восточный синтез», как у А.С. Балахванцева, или «греко-варварский синтез», как, например, у О.Л. Габелко⁴⁷. И неизбежно вставал вопрос, который мы ранее формулировали так: «...здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока... Получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи вообще не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма... Но в подобном случае мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как “эллинистическая Греция” и “эллинистическая Македония”. Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и маке-

⁴⁶ Балахванцев 2020, 28.

⁴⁷ Габелко 2009, 171.

донян – это тоже вариант “греко-варварского синтеза”. Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе... имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными “варварами” – в основном жителями бывшей Ахеменидской державы. А синтеза в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно»⁴⁸.

По большому счету, следовало бы сказать даже не «Балканская Греция», а шире – «греческий мир», ибо к Великой Греции или, скажем, Северному Причерноморью отмеченный выше факт тоже в полной мере относится. И вот теперь А.С. Балахванцев предлагает именно исключить из нашего лексикона понятия «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» и т.п., а эллинизм считать феноменом, относящимся только к истории Древнего Востока. И этим решается проблема синтеза, о котором шла речь.

Что такое, собственно, эллинизм? Это – эллинизация. Если задуматься над первоначальным смыслом двух слов, то они фактически оказываются едва ли не полными синонимами. «Эллинизм», по верному замечанию А.С. Балахванцева, означает подражание греческому (со стороны не-греков, как понятно). Эллинизация – приобщение к греческому, опять же со стороны не-греков. Разве не одно и то же? Притом, заметим, «эллинизм» – существительное, встречающееся в источниках и созданное согласно нормам греческого словообразования, а «эллинизация» – новодел, искусственная «гибридная» лексема, в которой к греческому корню прицеплен латинский суффикс.

С этой точки зрения эллинизации и, следовательно, эллинизма не могло быть в регионах, где некому было эллинизоваться. И если мы примем, что эллинизм – период истории Востока, то для того исторического периода, который тогда же имел место в греческом мире (ибо, повторим, не может быть такого, чтобы на месте периода зияло «пустое место») возникает необходимость в отдельном наименовании. И нужно постараться дать наименование этому *периоду истории Древней Греции*, тем более что знаменитый термин Дройзена и в принципе не очень удачен – с подобной его оценкой, думаем, мало кто не согласится. И нас не должна мучить робость (дескать, как же это мы ниспровергнем термины, введенные великими?). И великие могли ошибаться. Названия периодов не даны раз и навеки, вариации вполне допускаются. Так, для периода, хронологические рамки которого обозначаются как XI–IX вв. до н.э., мы встречаем в литературе обозначения «гомеровский период», «темные века», «ранний железный век», а в последние десятилетия выдвигались и иные варианты, например, Т.В. Блаватской⁴⁹ (очень громоздкая, вряд ли приемлемая формулировка), В.П. Яйленко⁵⁰ («раннеархаический период»), да и автором этих строк⁵¹ («переходный период»).

Так как же с тем, что поныне называют эллинизмом в Греции? Мы неоднократно предлагали термин «постклассика»⁵². Если использовать его, то в периодизации древнегреческой истории за классическим периодом пойдет постклассический. Впрочем, мы отнюдь не питаем радужных иллюзий и прекрасно понимаем,

⁴⁸ Суриков 2015, 22–23. Из более ранних суждений аналогичного характера ср. Кошеленко 1990, 13.

⁴⁹ Блаватская 2003, 15–19.

⁵⁰ Яйленко 1990, 5.

⁵¹ Суриков 2018, 31–32.

⁵² Суриков 2015, 356; Суриков 2022, 57.

что коллегам, специализирующимся по эллинизму (а таких у нас много⁵³) подобная замена отнюдь не понравится и не будет ими принята. Новое название они сочтут «унизительным» для столь милой им эпохи. Однако настойчиво повторим: эпоха эта характеризовалась оскудением оригинальности и креативности, утратой греческой цивилизацией ее уникальности.

Исторический период можно оценить по тому, что он дал на выходе, в итоге. Что мы имеем на выходе из классического периода – в его конце и в начале следующего? Уж не говорим о достижениях культуры (скажем, греческая философия IV в. до н.э. – это один из *двух высочайших взлетов* в истории всей философской мысли, наряду с немецкой классической философией). Еще раз сделаем уступку и, не трогая культурной жизни, останемся чисто в сфере военно-политической. Но и тут, как легко видеть, продукты эллинской классики – это фигуры грандиозные, титанические: Филипп II, Александр, диадохи... А продукты эллинистического периода (пока приходится называть его так), последние правители независимых греческих государств, – жалкие карлики не только в сравнении с вышеназванными гигантами, но и, за редкими исключениями, безотносительно.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахванцев, А.С. 2020: Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)* 4, 21–31.
- Блаватская, Т.В. 2003: *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Габелко, О.Л. 2009: Еще раз о проблеме «предэллинизма». В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире*. Казань, 173–183.
- Габелко, О.Л. 2018: Poleмические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. В кн.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.), *PENTH-KONTAETIA. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. СПб., 180–190.
- Кошеленко, Г.А. 1990: Эллинизм: к спорам о сущности. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 7–13.
- Кузицин, В.И. 1986: Афинская демократия и спартанская олигархия как политические системы. В кн.: В.И. Кузицин (ред.), *История Древней Греции*. М., 164–183.
- Ладынин, И.А. 2018: Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадильность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Риккерт, Г. 1998: *Науки о природе и науки о культуре*. М.
- Смирнов, С.В. 2014: «Доминирующий этнокласс» в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы. В кн.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 317–330.
- Суриков, И.Е. 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В кн.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 76–122.
- Суриков, И.Е. 2015: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Суриков, И.Е. 2018: *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II)*. М.

⁵³ Суриков 2022, 46.

- Суриков, И.Е. 2021: *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.
- Суриков, И.Е. 2022: О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 44–60.
- Утченко, С.Л. 1998: Факт и миф в истории. *ВДИ* 4 (227), 4–14.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Хабихт, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Beck-Schachter, A.J. 2016: The Lysandreia. In: T. Figueira (ed.), *Myth, Text, and History in Sparta*. Piscataway, 105–167.
- Dreyer, B. 2001: Wann endet die klassische Demokratie Athens? *Ancient Society* 31, 27–66.
- Flower, M.A. 1988: Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult. *Classical Quarterly* 38.1, 123–134.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Muccioli, F. 2005: Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 199–213.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104.1, 159–190.

REFERENCES

- Balakhvantsev, A.S. 2020: Spory ob ellinisme [Disputes about Hellenism]. *Vostok (Oriens) [The East (Oriens)]* 4, 21–31.
- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady (XII–VII vv. do n.e.) [Features of the history of Hellas' statehood (12th–7th centuries BC)]*. St Petersburg.
- Beck-Schachter, A.J. 2016: The Lysandreia. In: T. Figueira (ed.), *Myth, Text, and History in Sparta*. Piscataway, 105–167.
- Dreyer, B. 2001: Wann endet die klassische Demokratie Athens? *Ancient Society* 31, 27–66.
- Flower, M.A. 1988: Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult. *Classical Quarterly* 38.1, 123–134.
- Gabelko, O.L. 2009: Eshche raz o probleme “predellinizma” [Once again on the “pre-Hellenism” problem]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskoy mire [Politics, ideology, and historiography in the Roman and Hellenistic world]*. Kazan, 173–183.
- Gabelko, O.L. 2018: Polemicheskie zametki ob istoricheskikh sud'bach grecheskogo polisa v epochu ellinizma [Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinitsyn (eds.), *PIENTHKONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchenny yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova [PIENTHKONTAETIA. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles to Igor Evgen'evich Surikov's anniversary]*. St Petersburg, 180–190.
- Habicht, C. 1999: *Afina. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu [Athens. The history of the city in the Hellenistic period]*. Moscow.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Koshelenko, G.A. 1990: Ellinizm: k sporam o sushchnosti [Hellenism: towards the discussions on the essence]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura [Hellenism: economics, politics, culture]*. Moscow, 7–13.
- Kuzishchin, V.I. 1986: Afinskaya demokratiya i spartanskaya oligarkhiya kak politicheskie sistemy [Athenian democracy and Spartan oligarchy as political systems]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriya Drevney Gretsii [History of Ancient Greece]*. Moscow, 164–183.

- Ladynin, I.A. 2018: Ponyatie ellinizma v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii: stadial'nost' i zakonomernost' ili istoricheskaya konkretnost' i sluchaynost'? [The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research: a regular stage or an idiographic contingency?]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time] 65, 185–206.
- Muccioli, F. 2005: Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. 2: *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 199–213.
- Rickert, H. 1998: *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences on nature and sciences on culture]. Moscow.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.
- Smirnov, S.V. 2014: “Dominiruyushchiy etnoklass” v gosudarstve Selevkidov pri Selevke I i Antioke I: osnovnye problemy [“Dominant ethno-class in the Seleucid State under Seleucus I and Antiochus I: main problems”]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the emergence of the Bosporan Kingdom]. Moscow, 317–330.
- Surikov, I.E., 2014: Nekotorye problemy bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (“vzglyad iz Ellady”) [Some problems of Bosporan state formation in 5th – 4th centuries BC (“a view from Hellas”)]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the emergence of the Bosporan Kingdom]. Moscow, 76–122.
- Surikov, I.E., 2015: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. On the threshold of a new world]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2018: *Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II)* [Ancient Greece: State formation, political and legal institutions (Opuscula selecta II)]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2021: *Antichnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)* [Ancient Greece: Machinery of political life (Opuscula selecta III)]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2022: O nekotorykh osobennostyakh ellinisticheskoy tsivilizatsii: polemicheskie zametki [On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary theory. Linguistics. Cultural studies” series] 2, 44–60.
- Utchenko, S.L. 1998: Fakt i mif v istorii [Fact and myth in history]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (227), 4–14.
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Near East]. Moscow.

ONCE AGAIN TOWARDS “DISPUTES ABOUT HELLENISM”

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Abstract. The author some time ago wrote on pre-Hellenism in the Greek world of the 4th century BC and in this connection set forth his interpretation of Hellenism as such. His observations soon received reaction in the literature, in particular from A.S. Balakhvantsev. In this article, the author answers to his opponent, while developing some propositions of his conception. Some points of divergence notwithstanding, we consider interesting the colleague's suggestion to define Hellenism (as it was connected with Hellenization) as a phenomenon of only Eastern history. In such a case, the same period conformably to the history of the Greek world should get another name. And here the term “post-Classical” may appear appropriate, which suggested by the author also previously.

Keywords: Hellenism, Greece, the East, polis, citizen body, Greco-Eastern synthesis, civilization, post-Classical
